

напиваться взапуски съ дьякомъ Львомъ Игрицынымъ». Такимъ образомъ Левъ Игрицынъ самою епархіальною властью былъ признанъ непобѣдимымъ. Онъ былъ высокаго роста и довольно плотенъ. Сѣрый шерстяной кафтанъ до пятъ казался бы еще довольно приличнымъ, еслибъ на немъ чуть-чуть пониже воротника не красовалось огромное лоснящееся сальное пятно, произведенное косичкой, которую Левъ Игрицынъ, имѣя свободный доступъ къ церковнымъ лампадамъ, обильно упитывалъ деревяннымъ масломъ. Сѣденъкая бородка, клиномъ, была жидковата; глаза были красны и вѣчно болѣли, а Игрицынъ лечилъ ихъ, какъ и всѣ прочія болѣзни, водкой. Само собою разумѣется, что носъ Игрицына имѣлъ грушевидную форму и былъ цвѣта спѣлой малины. Пока дьякъ пробирался къ Елпидифорову, чтобъ непременно сѣсть рядомъ съ нимъ, Никаноръ успѣлъ притащить четвертину, а Андрей—кинуть на него такой взглядъ, какъ будто въ посудинѣ была не водка, а кровь его, Андрея.

Тутъ-то собственно и началось настоящее дѣло. Уже солнце давно зашло и рядомъ со штофами появилась горящая сальная свѣчка. Стаканчики съ неимоверной быстротой переходили изъ рукъ въ руки, осушались, наполнялись и вновь осушались. Новоприбывшіе совсѣмъ не интересовались знанъ, по какому поводу они пьютъ. Напрасно Андрей, крича изо всей мочи, старался то тому, то другому втолковать, что это онъ и есть виновникъ торжества. Никто его не слушалъ и разговоръ шелъ обо всемъ, только не объ этомъ. Между тѣмъ Андрей давно уже почувствовалъ, что перешелъ предѣлъ. Въ головѣ у него поднялась такая стукотня, точно тамъ происходила ярмарка. А стаканчики все продолжали путешествовать; Елпидифоровъ не уставалъ наполнять ихъ и упрашивать публику выпить, а публика еще того меньше уставала исполнять его желаніе. По сосѣдству изъ кабака доносились стукъ, крикъ и руготня. Андрей уже ничего не видалъ, а только смутно слышалъ, какъ писарь потребовалъ еще штофъ, изъ чего заключилъ, что четвертину уже прикончили. Чувствовалъ онъ также, что кто-то (кажется, Дуля) хлопалъ его по плечу, любовно тащилъ за чубъ и говорилъ: «Э, ничего! Мы тебя разсудимъ! Ужъ мы тебя раз-с-судимъ!.. На то мы и судьи, чтобъ разсудить!».. Мерешилось ему также, что какъ-будто кто-то кого-то билъ, чуть ли не Елпидифоровъ Игрицына за то, что послѣдній выразилъ сомнѣніе, чтобъ «изъ Назарета могло быть что-нибудь добро». Показалось ему даже, что кто-то крикнулъ «караулъ», но тутъ уже все исчезло и больше ему ничего не казалось. Не помнитъ онъ и того, что двое судей, а